

Пребываніе въ Вѣрномъ и встрѣча Кауфмана.

(Изъ четвертаго путешествія въ 1867 г. А. И. Макшеева).

Авторъ печатаемаго отрывка, А. И. Макшеевъ (1822—1892 гг.), заслуженный профессоръ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба, оставилъ послѣ себя цѣлый рядъ сочиненій, посвященныхъ главнымъ образомъ Туркестанскому краю ¹⁾. Такой исключительный интересъ возникъ у А. И. естественнымъ путемъ, благодаря шестилѣтней службѣ его въ Оренбургѣ при генералахъ Обручевѣ и Перовскомъ (1848—1854 гг.).

Это было время русскаго движенія въ Средней Азій и занятія Туркестана; читать эту живую страницу нашей исторіи посчастливилось молодому офицеру, только-что вышедшему изъ военной академіи и полному мечтаній о неизвѣданныхъ странахъ и путешествіяхъ. На него возлагались отвѣтственныя порученія въ родѣ сооруженія степныхъ укрѣпленій, изслѣдованіе новыхъ мѣстностей, какъ сухопутныхъ, такъ и Аральскаго моря, описаніе ихъ въ представляемыхъ отчетахъ. Плаваніе по Аральскому морю въ 1848 г. (вмѣстѣ съ лейтенантомъ Бутаковымъ на шкунѣ „Константинь“) было особенно интересно, какъ первое обслѣдованіе его русскими ²⁾, при чемъ были открыты острова, названныя Царскими, на которыхъ не было признаковъ человѣка: это была вполнѣ непочатая земля.

А. И. былъ дѣятельнымъ участникомъ и военныхъ экспедицій, въ томъ числѣ взятія коканскихъ укрѣпленій Джулека и Акъ-Мечети въ 1853 г. А въ 1854 г. капитанъ Макшеевъ былъ переведенъ въ штабъ командующаго Дунайской арміей и участвовалъ въ осадѣ Силистріи.

Результатомъ живого шестилѣтняго опыта въ Средней Азій и явились посмертныя записки А. И. „Путешествія по Киргизскимъ степямъ и Туркестанскому краю“, вышедшія въ 1896 г. Эта книга любопытна, какъ историческій памятникъ движенія русскихъ въ Туркестанѣ и какъ непосредственныя впечатлѣнія очевидца, знакомящаго съ бытомъ и нравами жителей и съ географическими условіями новаго края.

¹⁾ Его основное сочиненіе: „Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ“. 1890 г.

²⁾ „Описаніе Аральскаго моря“ А. И. Макшеева. Зап. Геогр. Общ. книжка V. СПб. 1851 г.

Близкое знакомство съ Средней Азіей было рѣшающимъ въ жизни А. И., мысль котораго была плѣнена этимъ своеобразнымъ краемъ, представляющимъ богатую будущность и служащимъ среди нашихъ прочихъ азіатскихъ владѣній звеномъ между Европой и Азіей. Культуртрегерство Россіи на Востокъ, ея посредничество между Востокомъ и Западомъ было основной идеей А. И., при его широкихъ историческихъ горизонтахъ. Вѣра въ эту культурную миссію своей родины одушевляла его и въ путешествіяхъ, и въ кабинетныхъ трудахъ; послѣднимъ и была посвящена остальная часть его жизни.

Научныя стремленія А. И. нашли поддержку въ лицѣ Д. А. Милютина, бывшаго профессоромъ географіи въ военной академіи въ 1845—1856 гг. и заинтересованнаго введеніемъ въ курсъ новаго предмета—военной статистики. Онъ привлекъ А. И. къ занятію свободной тогда кафедрой статистики въ 1855 г., а въ 1857 г. состоялась командировка новаго профессора за границу. Цѣлью ея было ознакомленіе съ постановкой статистики въ европейскихъ университетахъ и съ колонизаціей въ западныхъ государствахъ. Послѣ занятій въ научныхъ центрахъ А. И. отправился въ Алжирію и Египетъ для нагляднаго изученія этихъ колоній, что могло послужить на пользу въ примѣненіи къ нашей средне-азіатской окраинѣ. Мысль о Средней Азіи продолжала занимать А. И. и въ путешествіяхъ, и по возвращеніи на родину.

Находя сочувствіе своимъ замысламъ въ высоко-просвѣщенной личности Милютина, въ 1864 г. А. И. подавалъ военному министру двѣ записки объ устройствѣ Киргизскихъ степей, „сознавая глубоко важность предстоящей реформы и для блага киргизскаго народа, и для пользы Россіи“.

Въ 1866—1867 гг. А. И. читалъ публичныя лекціи о Средней Азіи для ознакомленія съ ней нашего военнаго общества, и въ томъ же 1867 г. былъ командированъ въ Туркестанъ для собиранія новаго военно-статистическаго матерьяла. Это было послѣднее путешествіе А. И. въ Среднюю Азію, описанное въ связи съ первыми въ его посмертныхъ запискахъ. Оно интересно, какъ обзоръ края, сдѣланный почти черезъ 15 лѣтъ послѣ перваго пребыванія въ немъ автора, когда времена значительно измѣнились, русскія владѣнія расширились, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинулись сложныя задачи по управленію краемъ. Нѣсколько страницъ изъ наблюденій автора, наиболѣе характерныхъ, и предлагаетъ вниманію читателей „Русская Старина“¹⁾.

Н. М.

Въ ВѢрномъ (Алматы) я пробылъ болѣе недѣли въ ожиданіи Кауфмана и столько же при немъ. Время ожиданія я провелъ большею частію въ письменныхъ занятіяхъ. Всѣ служащіе, встревоженные скорымъ пріѣздомъ генераль-губернатора, были недоступны. Только разъ начальникъ Алматовскаго округа полковникъ Фридрихъ пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ. Во время чая повторилась сцена изъ гоголевскаго Ревизора. Въ комнату влетѣлъ блѣдный отъ испуга чиновникъ съ краснымъ воротникомъ и въ

¹⁾ Эта часть „Путешествій“ А. И. Макшеева еще не была напечатана.

сильномъ волненіи проговорилъ скороговоркою: „генераль-губернаторъ сейчасъ будетъ, можетъ быть даже пріѣхалъ“. Онъ подалъ Фридрихсу только-что полученную записку отъ военнаго губернатора области Колпаковского, встрѣтившаго Кауфмана въ Семипалатинскѣ и ѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ; но записка оказалась адресованною въ Копаль и препровождена оттуда вѣроятно для того, чтобы по ней и въ Вѣрномъ могли сообразить время пріѣзда генераль-губернатора, состоявшагося только чрезъ трое сутокъ. Несмотря однако на нелюбезность мѣстныхъ властей, мнѣ удалось осмотрѣть городъ Вѣрный со станицами, Большою и Малою Алматинскими, татарскою слободкою и окрестностями, благодаря предупредительной внимательности Павлинова, нашего консула въ Кульджѣ, проживавшаго здѣсь послѣ прекращенія китайской власти въ Джунгаріи. Вмѣстѣ съ нимъ я ѣздилъ верхомъ на винокуренный заводъ Кузнецова и посѣщалъ переселенцевъ-малороссовъ, жившихъ еще въ балаганахъ, и бѣжавшихъ изъ Кульджи салоковъ и сибиряковъ, размѣщавшихся въ землянкахъ.

Утромъ 15 октября пріѣхалъ ко мнѣ въ полной парадной формѣ старшій изъ двухъ баталіонныхъ командировъ въ Вѣрномъ, съ которымъ я до того времени не имѣлъ случая видѣться и быть знакомымъ. „В. П., я къ Вамъ за совѣтомъ, какъ къ старшему лицу въ Вѣрномъ“, сказалъ онъ. „Потрудитесь прочесть только-что полученное мною предписаніе военнаго губернатора встрѣчать генераль-губернатора съ почестями, положенными по уставу только Государю Императору, и скажите, что мнѣ дѣлать?“ Прочитавъ предписаніе, я отвѣтилъ полковнику, что если бы я былъ на мѣстѣ Кауфмана и Вы встрѣтили бы меня съ неподобающими мнѣ по чину почестями, то я отдалъ бы Васъ подъ судъ; но можетъ быть Кауфманъ смотритъ на дѣло иначе, и потому, боясь повредить Вамъ, не могу дать никакого совѣта. „Въ такомъ случаѣ“, отвѣчалъ полковникъ, „я исполню предписаніе, и если Кауфманъ сдѣлаетъ мнѣ замѣчаніе, я подамъ ему эту бумагу“. Съ этими словами онъ спряталъ предписаніе за пуговицы мундира и отправился за городъ на мѣсто встрѣчи. Я послѣдовалъ за нимъ. Войска были выстроены вдоль дороги, въ развернутомъ порядкѣ съ распушенными знаменами, а на правомъ флангѣ стояли священникъ, всѣ нестроевые служащіе и граждане съ хлѣбомъ и солью. Вскорѣ показались вдали экипажи и затѣмъ къ правому флангу подъѣхалъ генераль-губернаторъ со свитою, которую составляли военный губернаторъ Семирѣченской области, генераль-маіоръ Колпаковский, правитель канцеляріи генераль-губернатора генераль-маіоръ Гейнсъ, помощникъ начальника штаба туркестанскаго военнаго округа, пол-

ковникъ Петрушевскій, чиновникъ особыхъ порученій, подполковникъ Озеровъ, чиновникъ по дипломатической части Струве и докторъ. Выйдя изъ экипажа, Кауфманъ принялъ хлѣбъ-соль отъ гражданъ, поздоровался со мною, сѣлъ на лошадь и подѣхалъ къ войскамъ. Старшій баталіонный командиръ скомандовалъ на караулъ и подалъ рапортъ. Барабанщики забили походъ. Я думалъ, сейчасъ разразится гроза, но Кауфманъ былъ очень доволенъ. Проѣхавъ верхомъ вдоль войскъ и по станицамъ, въ сопровожденіи своей свиты, къ числу которой пристроился и я, онъ остановился у отведенной ему квартиры и принималъ конныхъ и пѣшихъ ординарцевъ отъ разныхъ частей. Въ числѣ ихъ были неподобающіе ему по чину офицерскіе ординарцы и всѣ, вмѣсто Превосходительства, титуловали его Высокопревосходительствомъ. И это нисколько не шокировало юнаго сердцемъ генераль-губернатора. Напротивъ, войдя въ свою квартиру, онъ выразилъ Фридрихсу удовольствіе за сдѣланный ему пріемъ, но замѣтилъ, что „священникъ не знаетъ своихъ обязанностей. Онъ долженъ былъ встрѣтить меня не за городомъ вмѣстѣ съ гражданами, а около церкви, въ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и съ колокольнымъ звономъ“. Послѣ такого правоученія смѣтливый Колпаковскій не задумался уже приказомъ прибавить тотчасъ же къ выставленной у генераль-губернаторскаго крыльца будкѣ еще другую.

Во все время пребыванія Кауфмана въ Вѣрномъ, наравнѣ съ служащими при немъ, я не выходилъ изъ мундира. Каждый день обѣдалъ у него и затѣмъ по утрамъ сопровождалъ его во время осмотра церкви, школы, госпиталя, казармъ и проч., и ученія войскъ съ маневрами, а по вечерамъ бесѣдовалъ съ нимъ въ присутствіи Гейнса и Петрушевскаго о дѣлахъ Туркестанскаго края, и разъ былъ на балу у Колпаковскаго, въ годовщину Узунъ-Агачской битвы.

Вечернія мои бесѣды съ Кауфманомъ касались исключительно Сыръ-Дарьинской области, именно: раздѣленія ея на уѣзды, вновь утвержденнаго Положенія объ ея управленіи и разныхъ другихъ вопросовъ, на которые я обратилъ вниманіе во время своего путешествія. Представленный мною проектъ раздѣленія Сыръ-Дарьинской области на уѣзды былъ принятъ Кауфманомъ почти безъ преній. Толковать о новомъ Положеніи, авторомъ котораго былъ Гейнсъ, произведенный за это въ генералы, было при немъ неудобно, но я позволилъ себѣ сдѣлать три замѣчанія: во 1-хъ) приуроченіе къ уѣздамъ киргизъ, занимающихся земледѣліемъ, по мѣсту ихъ зимней, а не лѣтней кочевки, было, по моему мнѣнію, ошибочно; во 2-хъ) еще болѣе ошибочно было принятіе двухъ совершенно про-

тивоположныхъ началъ взиманія государственныхъ податей для осѣдлыхъ и кочевыхъ жителей, особенно когда не установлено между ними положительной черты; наконецъ въ 3-хъ) въ Положеніи совершенно умалчивается о многочисленныхъ въ Туркестанскомъ краѣ земляхъ, выкупившихъ государственныйя подати (милькъ) и освобожденныхъ отъ нихъ (вакфъ). Замѣчанія мои встрѣтили отпоръ со стороны Гейнса. Кауфманъ колебался, но не смѣлъ явно противорѣчить своему главному сотруднику. Гораздо свободнѣе онъ былъ въ вопросахъ, которыхъ не касалось Положеніе, и особенно которые имѣли связь съ любимымъ его конькомъ обрусеніемъ. Говоря о небрежномъ содержаніи памятника, воздвигнутаго надъ могилою русскихъ воиновъ, павшихъ при осадѣ и штурмѣ Акъ-мечети, и сожалѣя, что на немъ не сохранилось даже надписи, сдѣланной на мѣдной доскѣ, которая была украдена, я выразился, что поляки поступили въ этомъ случаѣ практичнѣе, положивъ на могилу своихъ павшихъ товарищей чугунную доску съ надписью.

— И польская надпись сохранилась? спросилъ Кауфманъ. „Да“, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ я велю ее снять, продолжалъ онъ, здѣсь нѣтъ мѣста для Польши, здѣсь Россія.

„Виновать“, возразилъ я въ смущеніи, „надпись сдѣлана по-латыни, на церковномъ языкѣ католиковъ“.

— Все равно велю снять, настаивалъ онъ съ самодовольною улыбкою.

Мнѣ показалась эта улыбка неумѣстною, и я рѣшительнымъ тономъ сказалъ: „Нѣтъ, Вы этого не сдѣлаете, Константинъ Петровичъ! Первый русскій генераль-губернаторъ въ Туркестанскомъ краѣ не коснется могилы лицъ, отдавшихъ свою жизнь Россіи“. Затѣмъ сталъ докладывать о другомъ предметѣ.

Другой подобный же разговоръ былъ у насъ по поводу туркестанской мечети. Дорожа этимъ прекраснымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ искусства, я выразилъ желаніе, чтобы онъ былъ приведенъ въ порядокъ и со временемъ даже реставрированъ въ деталяхъ. На это Кауфманъ сказалъ, что онъ не приметъ никакихъ мѣръ для поддержанія мусульманской святыни и былъ бы очень радъ, если бы мечеть поскорѣе разрушилась. Я возразилъ, что поддержимъ ли мы мечеть или нѣтъ, но мусульманство останется въ Средней Азій, мы не въ силахъ его стереть, и что мы приобрѣтемъ несравненно большій нравственный авторитетъ надъ туземцами, оказавъ вниманіе къ ихъ святынѣ, чѣмъ оставивъ ее въ пренебреженіи. Въ подтвержденіе же этой мысли сослался на Императрицу Екатерину, которая высоко держала русское знамя,

а между тѣмъ пожертвовала значительную сумму денегъ на одно медресе въ Бухарѣ; за то имя ея до сихъ поръ вспоминается въ Средней Азій съ большимъ уваженіемъ. Ссылка на авторитетъ Екатерины II произвела впечатлѣніе на Кауфмана, въ томъ смыслѣ, что въ дальнѣйшихъ разговорахъ онъ былъ сдержаннѣе и избѣгалъ юношескихъ легкихъ фразъ объ обрусеніи.

Сообщ. Н. А. Макшеева.

